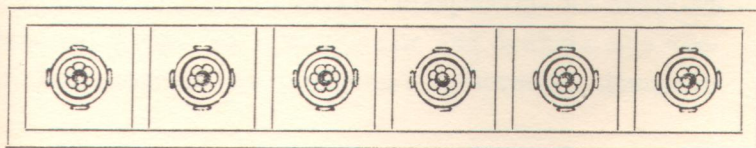
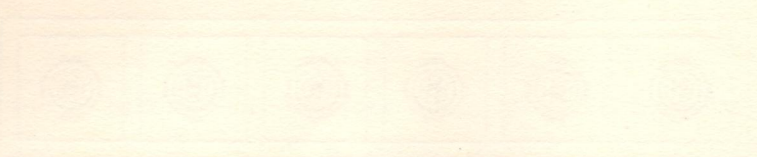


Н. Ф. Сумцовъ.

IV.

Художественные ° °
интересы ° ° ° ° ° °
Д. И. Каченовскаго.



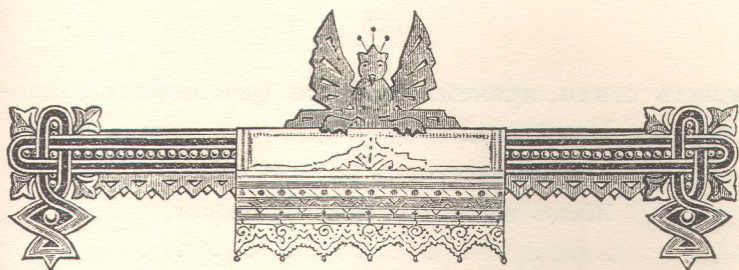


В. П. Гурьев

В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.

В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.
В. П. Гурьев, 1874 г.





Но словамъ проф. А. Н. Стоянова, Д. И. Каченовскій обладалъ привлекательными свойствами художественной натуры; по словамъ Де-Пуле, Каченовскій былъ «художникъ въ душѣ». Это воспоминанія людей, хорошо знавшихъ Каченовскаго.

Художественные интересы Д. И. развились главнымъ образомъ въ концѣ его жизни, нужно думать потому, что въ это время искусство для самого Каченовскаго приобрѣло особенно важное значеніе.

На дняхъ одна дама, лѣтъ 30 тому назадъ учившаяся въ харьковской Маріинской гимназіи, въ случайномъ разговорѣ со мной, по поводу настоящаго засѣданія, сказала, что она неоднократно видѣла и слышала покойнаго профессора въ стѣнахъ училища, куда его приглашали для бесѣды, для чтенія. Каченовскій съ большимъ чувствомъ деклами-

ровалъ стихи, причемъ особенно онъ любилъ стихотвореніе Никитина:

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
.....
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонѣкъ, замерла...

Жизнь самого Каченовскаго въ это время уже замирала, подточенная злой чахоткой.

Что же согрѣвало его одинокую жизнь? Согрѣвала его наука, пока были силы для работы, согрѣвало еще болѣе искусство, даже въ тяжелые послѣдніе годы его жизни, поддерживая въ немъ жажду идеала.

Каченовскій находилъ утѣшеніе въ музыкѣ. «Когда я въ первый разъ зашелъ на квартиру Д. И., говорилъ покойный проф. Павловичъ, Каченовскій привѣтствовалъ меня радостно... Съ восторгомъ усѣлся Д. И. за плохое фортепьяно, разложилъ сонату Бетховена и началъ играть; игралъ онъ не артистически, гдѣ не выходило подпѣвалъ... Но это не затрудняло Д. И.: онъ былъ въ такомъ настроеніи, какъ будто слышалъ самое отличное пѣніе. Такой неподдѣльный восторгъ, такое возсозданіе силою воображенія музыкальнаго произведенія составляли характерную черту въ его любви къ музыкѣ».

И поэзія давала Д. И. Каченовскому немало утѣшенія, что уже обнаруживалось въ его живой

любви къ литературнымъ чтеніямъ, къ произнесенію стихотвореній, даже въ послѣдніе годы, когда чтенія были для него затруднительны по слабости здоровья. Между прочимъ, Каченовскій былъ страстнымъ любителемъ простыхъ русскихъ пѣсенъ. А. Н. Стояновъ говоритъ: «Въ теченіе многихъ лѣтъ и постоянныхъ нашихъ отношеній, имѣлъ я случай не разъ убѣдиться, что русская мелодія оказывала магическое дѣйствіе на Д. И., лицо его мгновенно свѣтлѣло и слетала съ него хандра, часто гостившая въ его душѣ».

Своего товарища по университету проф. Метлинскаго Каченовскій цѣнилъ за его любовь къ народной поэзіи. Это обстоятельство, случайно отмѣченное въ статьѣ Де-Пуле, показываетъ, что Каченовскій умѣлъ цѣнить и украинскую народную поэзію.

Каченовскій находилъ утѣшеніе еще въ живописи. Характерное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находится въ Воспоминаніяхъ Де-Пуле. Пріѣхалъ онъ въ Харьковъ всего на два дня, чтобы повидаться съ Каченовскимъ, и вотъ Каченовскій повелъ его въ музей изящныхъ искусствъ, и здѣсь объяснялъ картины и рисунки, причемъ такъ увлекся, что забылъ о пустотѣ своей аудиторіи и о чрезмерной продолжительности лекціи. «Затѣмъ, добавляетъ Де-Пуле, мы отправились гулять на Холодную гору въ Карповскій садъ. Отсюда открывался красивый видъ на городъ. Изъ массы городскихъ зданій рѣзко выдѣлялись стоящія на горкѣ универ-

ситетскія постройки; между ними высоко бѣжала къ синему небу соборная колокольная. Видъ былъ недуренъ, а Каченовскому онъ напоминалъ Саламанку, знаменитый въ лѣтописяхъ науки испанскій университетъ».

Понятно было восхищеніе Де-Пуле старыми мѣстами послѣ двадцатилѣтней съ ними разлуки, въ очарованіи тихаго лѣтняго вечера; но Каченовскій любовался еще болѣе, обращая вниманіе на нашу Саламанку, какъ онъ называлъ университетъ, не разъ восклицая: «а жаль покинуть».

Въ этой Саламанкѣ у Каченовскаго было не мало враговъ, сильныхъ и талантливыхъ. Въ этой Саламанкѣ кипѣла тогда жестокая партійная борьба; но Каченовскій такъ горячо любилъ харьковскій университетъ, что даже подъ гнетомъ тяжелой болѣзни не хотѣлъ его покинуть. Глубокая привязанность Каченовскаго къ университету была обусловлена прежде всего и болѣе всего возвышенностью его нравственнаго душевнаго склада и его устойчивымъ идеализмомъ; но было же кое-что привлекательное и въ самой мѣстной Саламанкѣ, что скрашивало и заставляло забывать внутренніе ея недостатки, привлекательное въ ея ученыхъ задачахъ, въ ея образовательныхъ учрежденіяхъ, въ частности въ музеѣ изящныхъ искусствъ, въ интеллектуальномъ строѣ ея жизни, поддерживавшемъ принципы общаго блага. Это былъ Университетъ стараго устава и старыхъ традицій.

Въ концѣ своей недолгой жизни Каченовскій обратился къ серьезному изученію искусства. Онъ подготовился къ тому весьма основательно, частью чтеніемъ специальныхъ изслѣдованій, частью путешествіями по Западной Европѣ, въ особенности по Италіи, въ которой онъ былъ пять разъ, все болѣе и болѣе отдаваясь созерцанію и изученію ея великихъ художественныхъ памятниковъ.

Каченовскому принадлежитъ превосходная статья «Флоренція и ея старые мастера», напечатанная въ Вѣстн. Европы 1869 г. и несовсѣмъ обработанныя статьи о Микель Анджело и о судьбахъ искусства въ Западной Европѣ, напечатанныя съ многими погрѣшностями уже по смерти автора въ плохенькой мѣстной газетѣ «Харьковъ» въ 1877 и 1878 г. въ длинномъ рядѣ фельетоновъ. Статья о флорентійскихъ художникахъ, весьма объемистая, въ 120 стр., обнимаетъ исторію итальянской живописи съ конца XV вѣка. Къ главнымъ достоинствамъ статьи относятся стройное, послѣдовательное изложеніе, мастерскія отдѣльныя характеристики, выдержанный высокій строй мысли, благородное воодушевленіе, вполне отвѣчающее достоинству предмета, простой, ясный и живописный языкъ. Статья эта до настоящаго времени сохранила привлекательную свѣжесть и нынѣ смѣло можетъ быть рекомендована, какъ хорошее пособіе для самообразованія.

Имя Д. И. Каченовскаго съ благодарностью будетъ вписано на лучшихъ страницахъ харьковскаго университета, какъ имя разносторонняго ученаго, соединявшаго въ своихъ симпатіяхъ и трудахъ науку и искусство, какъ человѣка прекраснаго сердца и возвышенныхъ стремленій, какъ благороднаго учителя истины и красоты ¹⁾.



¹⁾ Болѣе подробная статья проф. Н. Θ. Сумцова на эту тему подъ заглавіемъ „Труды Д. И. Каченовскаго по исторіи искусства“ напечатана въ Южн. Краѣ 1901 г. №№ 6905—6906.